

УДК 82.09

UDC 82.09

10.00.00 Филологические науки

Philological sciences

**ТВОРЧЕСКАЯ ЛИЧНОСТЬ М.ЕЛИЗАРОВА:
АСПЕКТЫ КРИТИЧЕСКОЙ РЕФЛЕКСИИ И
САМОИДЕНТИФИКАЦИИ**

**M. ELIZAROV AS A CREATIVE
PERSONALITY: ASPECTS OF CRITICAL
REFLECTION AND SELF-IDENTIFICATION**

Юрьев Денис Юрьевич
аспирант
РИНЦ SPIN-код: 1700-5805
*Кубанский государственный университет
Краснодар, Россия*

Yuriev Denis Yurievich
Post-graduate student
RSCI SPIN-code: 1700-5805
Kuban State University Krasnodar, Russia

В статье анализируется специфика авторских стратегий М. Елизарова, чье творчество «балансирует» на грани постмодернистских и реалистических практик. Проза писателя получила неоднозначные оценки в критике, поэтому выявление ее эстетической составляющей, проблемного и поэтологического уровней является актуальной задачей филологической науки, нацеленной на воссоздание целостной картины современного литературного процесса. Дан аналитический обзор работ, выявляющих стилиевые черты прозы М. Елизарова, а также анализ интервью писателя, касающихся художественного замысла произведений, наиболее репрезентативно указывающих на специфику его художественного мировидения. Последнее связано с проектом «нового реализма», заявившего о себе в начале XXI века. Потребность отобразить в слове «сдвиги» и «разломы» эпохи, смоделировать облик героя «своего времени» – художественная задача, решаемая адептами «новой» литературы со всей прямотой и, зачастую, безапелляционностью идеологических оценок. «Новый реалист» Захар Прилепин однозначно видит Михаила Елизарова соратником и единомышленником в ее претворении. Объективность этого суждения – не в «поколенческой», возрастной общности, но в глубинном интересе к судьбе человека, истории его личности, стремлении «написать» ее на фоне изменчивой, противоречивой и, порой, трагический действительности

The peculiarities of the author strategies by Mikhail Elizarov are analyzed in the article. His works "balance" on the verge of postmodernist and realistic practice. The author's prose has received mixed reviews in the critique that's why to reveal its aesthetic component, problem and poetological levels is an actual problem of the philological science, which is aimed to recreate a complete picture of the modern literary process. An analytical review of the works which reveals stylistic features of M. Elizarov's prose is given as well as the analysis of the author's interview concerning the artistic conception of works that indicate the representative specific of his artistic worldview. The latter is associated with the project of the «new realism» which was declared in the beginning of the XXI century. The need to display the word «changes» and «faults» of the age to simulate image of the hero «of its time» is an artistic problem which is solved by adherents of the «new» literature, with all sincerity, and often with peremptoriness of the ideological evaluations. «New realist» Zakhar Prilepin definitely sees Mikhail Elizarov as ally and like-minded person in its implementation. The objectivity of this statement is not in the «generational», the age-related community but in a deep interest in the man's fate, the history of his personality and desire to «write» on the background of its changeable, controversial and, at times, tragic reality

Ключевые слова: ТВОРЧЕСКАЯ ЛИЧНОСТЬ, «НОВЫЙ РЕАЛИЗМ», ПОСТМОДЕРНИЗМ, АВТОРСКАЯ СТРАТЕГИЯ, ХУДОЖЕСТВЕННОЕ МИРОВИДЕНИЕ, САМОИДЕНТИФИКАЦИЯ

Keywords: CREATIVE PERSONALITY, «NEW REALISM», POSTMODERNISM, AUTHOR'S STRATEGY, ARTISTIC WORLDVIEW, SELF-IDENTIFICATION

Творчество Михаила Елизарова является одним из малоизученных компонентов культурного контекста начала XXI века. Оно сформировалось под влиянием художественных процессов, обозначившихся в русской литературе в первом десятилетии нового столетия. Мозаичность и многоярусность современной русской

словесности обусловлены, по мнению критика Н. Б. Ивановой, присутствием в ней писателей и писательских групп, которые исповедуют не только разные, но даже взаимоотрицающие творческие принципы: реалисты и постмодернисты разных поколений, представители соц-арта, концептуализма, необарокко, в том числе и постреализма (формирующегося «как новая художественная система»), «новый реализм» молодых, гиперреализм и др. [1, 17]. Однако стилистика современных текстов не всегда строится на отторжении, «отталкивании» от предшествующих традиций: в «редуцированном виде» они продолжают сосуществовать «в современном литературном пейзаже» [1, 22]. По мнению С. Казначеева, «сегодня это размежевание не только продолжается, но и привело к дроблению литературных кругов на все более узкие сегменты» [2, 85].

В свете этих рассуждений творческий метод М. Ю. Елизарова с трудом поддается определению. Один из самых авторитетных исследователей современной литературы С. Ф. Меркушов, анализируя интертекстуальную ткань романов Елизарова, видит в специфике его приемов постмодернистскую школу, признавая, неуклонный процесс модификации текстов в «другую прозу» [3, 230]. В дискуссии, развернувшейся на сайте «Свободной прессы» по поводу религии, Елизарову единодушно присвоено звание «альтернативного постмодерниста» [4]. Видят в нем и наследника концептуалистов, «своим» признают писателя и те, кто претендует на роль создателей «постпостмодернистской» литературы. В повествовательной манере автора угадывают черты то «субъективного», то «нового реализма». Н. П. Беневоленская именует ее не иначе, как «грязный реализм» [5, 84], подчеркивая эксплуатацию специфических языковых и образных средств. Неоднозначную реакцию вызывает творчество М. Елизарова у Р. Арбитмана, замечаящего, что «если у Даниила Хармса фразой “Нас всех

тошнит!» спектакль заканчивался, то у Елизарова он отсюда только начинается» [6, 117]. Павел Басинский оценивает многополярность критических суждений следующим образом: «Елизаров, как это сейчас принято, сам себе и направление, и критерий оценки, и бог, и царь, и герой» [7]. После получения им премии «Букер», уже невозможно отделить имя писателя от «новой литературной волны»: «Елизаров вольно или невольно попал в “мейнстрим”, как и Владимир Сорокин. Иначе и быть не могло. Можно плыть против течения, но нельзя плыть отдельно от него» [7].

Сопоставление Елизарова с Владимиром Сорокиным стало «почти трюизмом»: «Они и впрямь работают в одной постмодернистской колее, буквально след в след» [8]. Мотив материального распада / разрушения (вплоть до телесного) несовершенных форм с целью обрести / вернуть бытию содержание – один из наиболее устойчивых в творчестве художников. Иногда текстовые фрагменты визуализируются ими с такой степенью достоверности, что создается иллюзия осязаемости – в звуках, запахах, тактильности. Впрочем, А. Кузьменков видит в текстах молодого прозаика всего лишь подражательные элементы, отказывая в индивидуально-творческих интенциях: «В первых книгах Елизарова бесконечно звучали перепевы Сорокина: инцест, экскременты, кровь, самодельные ритуалы» [9]. Ему вторит Н. Иванова в статье «Сомнительное удовольствие», пристально отслеживая, как наследуются эти приемы. По ее мнению, романная канва («Pasternak») буквально превращается в «эпигонское варево»: «Антигуманизм Елизарова неинтересен, потому что это просто игра слов на крови» [10]. Однако исследовательница склонна видеть в творческой манере писателя влияние и других, не менее эпатажных современников: «рядом – почти Проханов», «почти Лимонов» [10]. Лев Пирогов именует повесть «Ногти» не иначе как «шедеврально-мамлеевской» [11], а Д. Бавильский ассоциирует впечатление от романа

«Мультитики» с «сорокинскими рассказами нулевых» и «пелевинскими опытами по перевороту реальности» [12]. Реакция на эту книгу А. Кузьменкова – еще более сложный математический ребус: «Лимонов, помноженный на Берджесса, с Пелевиным в знаменателе» [9].

Следует отметить, что произведения Елизарова несут на себе яркий отпечаток метаописательности, (псевдо-) автобиографизма, документальности, эгоцентризма, субъективности, интертекстуальности, ставших «родовыми» стилевыми чертами прозы конца XX – начала XXI вв. Восприятие творческой личности писателя затрудняется противоречивостью авторской саморефлексии и комментариями к многочисленным интервью, «проговаривающих» версии замыслов текстов и их парадоксальную реализацию в процессе творческого акта. Сложность целостного анализа видится также в том, что «смонтированные» фрагменты высказываний Елизарова «переходят» из одной Интернет-версии в другую, зачастую теряя «связь» с первоисточником. Это, с одной стороны, «упрощает», клиширует образ и творческий потенциал художника, но в конечном итоге – способствует мифологизации его биографической личности.

Одно из самых известных интервью Елизарова – «Диалог с властью – это письма кишечнику» (журнал «ШО») – наиболее четко прорисовывает субъективное видение собственной персоны: «Хочется быть персонажем-трикстером, но не уверен, что сам я соответствую ловким удачливым качествам» [13]. Эта позиция во многом связана с натиском массовой культуры, коммерческо-конъюнктурной, определяющей состояние современного книжного рынка. Не отрицая важности материальной поддержки в виде гонорара, прозаик и музыкант развенчивает иллюзию о писательском сообществе как творческом союзе, сродни тем, которые украсили русскую литературу начала XX века. Во главе всех объединений, утверждает он, всегда стоит идея товара, поэтому все современные группы

и объединения – временные, не имеющие под собой никаких эстетическо-художественных платформ. В интервью газете «Соль» Елизаров так размышляет о «смерти литературы» и об облике современного читателя: «Я не верю, что будет утрачена книжная культура, хотя этому способствует господствующая экономическая ситуация – рыночная, капиталистическая. Есть понятия “рентабельность” и “нерентабельность”, литература в классическом понимании “нерентабельна”. Капиталисту не нужен думающий человек, не нужен критически мыслящий человек, а нужен потребитель» [14]. Понимание современного литературного процесса писатель комментирует следующим образом: «Совсем недавно в Ad Marginem вышел сборник рассказов, в котором, как в коробку, свалены десять авторов. И пронзительная, очень символичная обложка в виде десятирублевой купюры. Что как нельзя лучше характеризует состояние и прайс современной русской литературы. Что такое современная “левая” литература относительно молодых писателей? Это то, что выглядит, как червонец. И мы там все по рублику. Я категорически не хочу быть ни десяткой, ни рублем. Я другими вещами занимаюсь. Если так воспринимать смерть литературы, то да – в прежнем виде ее больше не существует» [14].

К. Рогозина, удивляясь творческой манере Елизарова, даже задается вопросом: не мистификация ли он? «Скажем, собирательный автор. Франкенштейн, насилующий коллективное бессознательное с особым цинизмом и сопровождая движение по тексту могильным юморком» [15]. Далее в работе критика присутствует выявление важной доминантной черты, связанной с сочленением постмодернистских стратегий, придающих текстам Елизарова сходство с произведениями В. Сорокина, В. Пелевина, Ю. Мамлеева, со смелостью реалистической манеры писателей нового поколения, единодушно включивших прозаика в круг «творческих единомышленников» (З. Прилепин, С. Шаргунов, Р. Сенчин).

Проза «нового реализма» – симптоматическое явление современной русской культуры, сохранившей глубинную связь с литературой предшествующих эстетических эпох. Тотальное главенство постмодернистского дискурса породило скептицизм, эпистомологическую неуверенность, отсутствие константных нравственных принципов в художественной словесности XXI столетия. Безоценочный эпитет «новый» в определении авторских стратегий молодых писателей предполагает не оппозицию старый / новый реализм, а углубление принципов традиционного искусства в «обновленной» реальности. Образный мир этих произведений соединяет тематические и проблемные пласты литературы XIX-XX вв., выводя их на уровень «современного прочтения» жизни в ее «клиническом» (З. Прилепин) состоянии. Выражая глубокую заинтересованность художественными мирами современников-постмодернистов, опробировав в собственном творчестве их разнообразные практики и приемы, – Михаил Елизаров в многочисленных интервью постоянно подчеркивает несомненную значимость советской литературы, определившей его художественное видение и мироощущение. Область ее осмысления в елизаровской прозе находится в выявлении базисных, константных нравственных доминант, утраченных (отвергнутых) современностью. «Склеивание», собирание распавшихся звеньев русской жизни – одна из наиважнейших творческих задач Елизарова.

Полная «абсорбция» советского дискурса постмодернистской литературой повлечет новые процессы – вычленение ее идеологием с целью дальнейшего осмысления и сентиментальной поэтизации глобального «скола» русской жизни XX столетия. Чем дальше отделяется эпоха, тем чаще художнику видятся в ней гуманистические проявления, тщетному поиску которых посвящена, в том числе, проза «молодых» авторов. Иногда советский дискурс – это автоматизация памяти, удерживающей автора и героя в топосе детства, в понятийных моделях, близких нескольким

поколениям. Подобные творческие интенции рассредоточены по многим произведениям Михаила Елизарова. В его прозе высвечивается интерес к архаическим, литературным, социальным мифам, к их инкорпорации в структуру художественного текста. Особая значимость обретает «заговорная» тема, органически связанная с мотивом чтения, произрастающим из «литературоцентричных» воззрений писателя. Отказываясь от прямого морализаторства, Елизаров стремится через слово воздействовать на жизнь и суггестию читателя.

Связь с классической традицией русской литературы прослеживается через апелляцию к ее гуманистической составляющей, к актуализации проблемно-тематических пластов, а также через модификацию образа «маленького человека», переживающего и в XXI веке трагедию «невоплотившейся» судьбы. Созданию ее драматического начала способствует включение в структуру рассказов «поджанровой системы» документальной прозы (очерка, телерепортажа, милицейского протокола, газетной публикации, интернет-дневника, блога, ЖЖ), создающей иллюзию достоверности, фактографичности событий. Их предельная детализация, фиксация сюминутных переживаний героев рассказов, не связанных с логикой поступков, репрезентуют взаимомимикрию fiction и non-fiction, их нерасчленимость в структуре текста, что является значимой стилиевой чертой в литературе «нового реализма». В рассказы Елизарова также включены философские размышления о путях развития русской словесности. Следуя стратегии «новых реалистов», писатель создает собственный литературный «манифест» о постмодернизме и современной художественной парадигме, о манипуляции «массовым» сознанием, о «культурном геноциде». Одновременно продуцируется мысль о нравственной ответственности писателя, о невозможности «стояния в стороне» от судьбы нации и государства, о «включенности» творческой личности в создание нравственного императива эпохи.

Единственным своим «творческим учителем» Елизаров продолжает считать отцовскую библиотеку [16], перечисляя авторов, определивших ценностные ориентиры и ставших мериллом истинного таланта: А. Платонов, Ю. Олеша, М. Шолохов, Д. Хармс, Н. Заболоцкий. Перечень этих имен в интервью разных лет варьируется и расширяется, но для научного познания творческих устремлений Елизарова они имеют несомненную значимость: неоспоримая индивидуальность каждого из обозначенных писателей подтверждает идею о необходимости именно эстетического, а не идеологического подхода в оценке мастерства. Через образ отцовской библиотеки («шесть турецких баулов с книгами» [17], которые сопровождают во всех переездах) в художественный мир Елизарова также входит символ книги как священного артефакта, а мотив чтения становится одним из устойчивых в повествовательной структуре его романов.

Чтение – это еще и часть ритуального заговорного действия, неизменно присутствующего в произведениях писателя. Инверсированные советские лозунги («Книга – учитель жизни», «Знание – сила» и т. п.) выявляют свою магическую значимость, способность изменить жизнь не только отдельного индивида, но и целой страны, «самой читающей» («никогда непобедимой») в недалеком прошлом. Надежды писателя неизменно связаны с Россией, которая до сих пор «словоцентрична», а сам он, по мнению читателей, – «подобен былинному герою», создающему «охранные» тексты для ее спасения [17].

С 2012 года Михаил Елизаров сосредотачивает свои творческие силы только на музыкальных проектах, признаваясь, что «песня – удобный, самодостаточный жанр, позволяющий поговорить на темы, которые в прозе просто не отзвучат» [13]. Предположение, что музыкой сегодня заниматься более выгодно, чем литературой, писатель аргументированно отвергает: «Если бы я искал выгоду, то стал бы пластическим хирургом,

политиком, прокурором. Я не ищу выгоду. Я ищу радостную истину» [13]. Можно предположить, что она – в духовном прозрении человека, в устремленности к «эре милосердия», наступления которой ожидают не только елизаровские герои, но и сам автор.

Литература:

1. Иванова Н. Б. Современная русская литература: метасюжет и его восприятие. Дисс. в виде науч. докл. ... д.ф.н. 10.01.01- Русская литература. СПб., 2006.
2. Казначеев С. М. Вокруг нового реализма // Русский язык за рубежом. 2-12. № 3. С. 85-90.
3. Меркушов С. Ф. Игра с классикой: литературные мутации в прозе Михаила Елизарова (на примере текстов «Госпиталь» и «Мультики») // Вестник ТвГУ. Серия «Филология». 2013. Вып. 4. С. 227-232.
4. Не хватает зла [дискуссия на сайте СП] // Свободная пресса. URL:<http://www.svpressa.ru/blogs/article/126109>
5. Беневоленская Н. П. Художественная философия русского литературного постмодернизма. Дисс. ... к.ф.н. 10.01.01 – Русская литература. СПб., 2004.
6. Арбитман Р. Э. Антипутеводитель по современной литературе. 99 книг, которые не надо читать. М.: ЗАО Издательство Центрполиграф, 2014.
7. Басинский Павел. Мы вышли покурить на 17 лет... // Российская газета. 26.10.2012. URL: <http://www.rg.ru/2012/10/26/rasskazi.html>
8. Михаил Елизаров – В. Сорокин сегодня?.. [Рец. на кн. «Госпиталь»] // http://www.library.ru/2/liki/sections.php?a_uid=162
9. Кузьменков Александр. Человек без лица // Литературная газета. 2014. № 31(6474).
10. Иванова Н. Сомнительное удовольствие // Знамя. 2004. № 1. URL: <http://magazines.russ.ru/znamia/2004/1/ivan12.html>
11. Пирогов Л. Архипелаг Pasternak // Независимая газета. 02.10.2003. URL:http://www.ng.ru/ng_exlibris/2003-10-02/6_pasternak.html
12. Елизаров М. Что-то вроде трудовой терапии [Интервью] // Честный корреспондент. 24 июля 2010. URL: <http://www.chaskor.ru/aricle>
13. Елизаров М. Диалог с властью – это письма кишечнику // ШО. 24.09.2012. URL: <http://www.sho.kiev.ua/news/1508>
14. Горин В. Писатели толпятся в сортире [интервью с Михаилом Елизаровым] // Соль. 2011. 13 октября. URL: <http://www.saltt.ru/node/10573>
15. Рагозина К. Илья Стогоff. Мачо не плачут. Михаил Елизаров. Ногти // Знамя. 2001. № 11.
16. На улице Дадугина // Независимая газета. 03.03.2011. URL: http://www.ng.ru/person/2011-03-03/2_street.html
17. Елизаров М. Россия – словоцентричная страна // URL: <http://blog.thankyou.ru/mihail-elizarov-rossiya-slovotsentrichnaya-strana/>

References

1. Ivanova N. B. Sovremennaja russkaja literatura: metasjuzhet i ego vosprijatie. Diss. v vide nauch. dokl. ... d.f.n. 10.01.01- Russkaja literatura. SPb., 2006.

2. Kaznacheev S. M. Vokrug novogo realizma // Russkij jazyk za rubezhom. 2-12. № 3. S. 85-90.
3. Merkušov S. F. Igra s klassikoj: literaturnye mutacii v proze Mihaila Elizarova (na primere tekstov «Gospital'» i «Mul'tiki») // Vestnik TvGU. Serija «Filologija». 2013. Vyp. 4. S. 227-232.
4. Ne hvataet zla [diskussija na sajte SP] // Svobodnaja pressa. URL:<http://www.svpressa.ru/blogs/article/126109>
5. Benevolenskaja N. P. Hudozhestvennaja filosofija russkogo literaturnogo postmodernizma. Diss. ... k.f.n. 10.01.01 – Russkaja literatura. SPb., 2004.
6. Arbitman R. Je. Antiputevoditel' po sovremennoj literature. 99 knig, kotorye ne nado chitat'. M.: ZAO Izdatel'stvo Centropoligraf, 2014.
7. Basinskij Pavel. My vyshli pokurit' na 17 let... // Rossijskaja gazeta. 26.10.2012. URL: <http://www.rg.ru/2012/10/26/rasskazi.html>
8. Mihail Elizarov – V. Sorokin segodnja?.. [Rec. na kn. «Gospital'»] // http://www.library.ru/2/liki/sections.php?a_uid=162
9. Kuz'menkov Aleksandr. Chelovek bez lica // Literaturnaja gazeta. 2014. № 31(6474).
10. Ivanova N. Somnitel'noe udovol'stvie // Znamja. 2004. № 1. URL: <http://magazines.russ.ru/znamia/2004/1/ivan12.html>
11. Pirogov L. Arhipelag Pasternak // Nezavisimaja gazeta. 02.10.2003. URL:http://www.ng.ru/ng_exlibris/2003-10-02/6_pasternak.html
12. Elizarov M. Chto-to vrode trudovoj terapii [Interv'ju] // Chestnyj korrespondent. 24 ijulja 2010. URL: <http://www.chaskor.ru/aricle>
13. Elizarov M. Dialog s vlast'ju – jeto pis'ma kishechniku // ShO. 24.09.2012. URL: <http://www.sho.kiev.ua/news/1508>
14. Gorin V. Pisateli tol'pjatsja v sortire [interv'ju s Mihailom Elizarovym] // Sol'. 2011. 13 oktjabrja. URL: <http://www.saltt.ru/node/10573>
15. Ragozina K. Il'ja Stogoff. Macho ne plachut. Mihail Elizarov. Nogti // Znamja. 2001. № 11.
16. Na ulice Dadugina // Nezavisimaja gazeta. 03.03.2011. URL: http://www.ng.ru/person/2011-03-03/2_street.html
17. Elizarov M. Rossija – slovocentrichnaja strana // URL: <http://blog.thankyou.ru/mihail-elizarov-rossiya-slovotsentrichnaya-strana/>